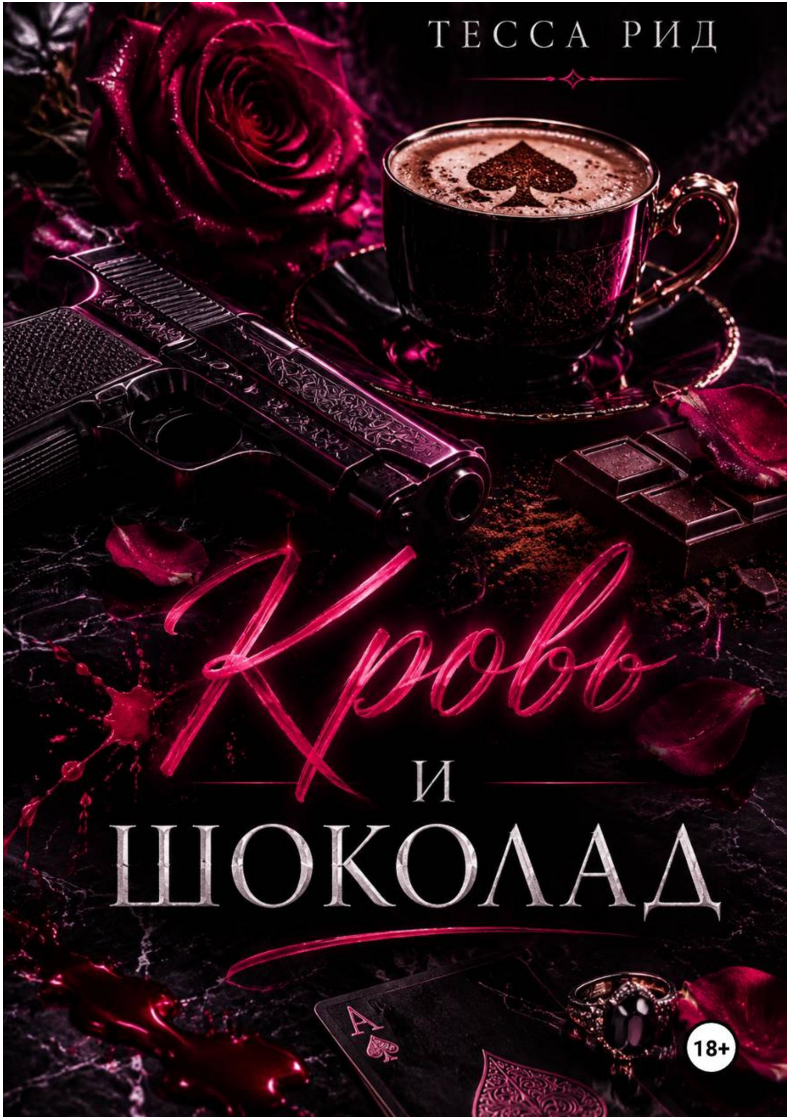
ТЕССА РИД
Кровь
и
ШОКОЛАД
18+

Тесса Рид
Кровь и шоколад

https://litres.ru/74795248
SelfPub; 2026

Аннотация

Сандра Николетти с детства знает: слабость опаснее пули. Дочь дона и наследница мафиозной семьи, она умеет держать оружие, исполнять приказы и никому не доверять. Скоро ей предстоит занять место отца, если враги не отнимут у неё власть раньше.

Том — бариста из кофейни «Горький шоколад». Он шутит про латте-арт, спасает пауков и совсем не похож на людей из мира Сандры. Рядом с ним она впервые за много лет смеётся. А потом Том становится свидетелем убийства.

Сандра должна заставить его молчать. Но вместо угроз рассказывает правду и обнаруживает, что Том не собирается бежать. Между ними возникает чувство, которому нет места в ее опасном мире. Ведь теперь враги знают: у наследницы Николетти есть слабое место.

Когда предают самые близкие, Сандре придется решить, кем она станет: послушной дочерью, безжалостной донной или женщиной, которая сама выбирает, за что бороться.

В мире, где доверие может стоить жизни, любовь — самый опасный выбор.

Содержание

Глава 1. Черный кофе без сахара 4
Глава 2. Единственная 17
Глава 3. Безобидное существо 29
Глава 4. Мир без сравнения 41
Глава 5. Растение в горшке 51
Глава 6. Танец с врагом 63
Конец ознакомительного фрагмента. 73

Тесса Рид
Кровь и шоколад

Глава 1. Черный кофе без сахара

Дождь в этом городе никогда не бывает просто дождем. Он всегда что-то смывает: грязь, усталость, слезы или… кровь.

Сандра стояла на пожарной лестнице заброшенного склада в районе доков, и капли крови стекали по лезвию ножа в ее руке. Человек, которого еще пятнадцать минут назад звали Энцо Феррaро, теперь был просто телом, которое нужно было переместить в багажник, и проблемой, которую нужно было решить до рассвета.

Он предал семью за тридцать тысяч долларов и обещание защиты от федералов. Слил агентам маршрут перевозки партии оружия через порт — той самой партии, которая должна была пройти через три штата и укрепить позиции Николетти на всем восточном побережье. Он думал, что его маленькая сделка с ФБР останется тайной, но не учел одного: у Дона Витторио Николетти есть уши там, где их не должно быть, и дочь, которая умеет делать то, на что не способны его подручные — быть беспощадной без колебаний.

— Ты ведь понимаешь, что дело не в деньгах, — сказала она тогда, двадцать минут назад, глядя ему в глаза, пока он скулил на коленях среди ржавых контейнеров. — Ты предал клан и поставил галочку напротив моей фамилии в списке федералов. Ты сделал меня мишенью, Энцо. А я этого простить не могу.

Он пытался что-то сказать — что-то про жену, про долги, про то, что его заставили. Сандра пропустила это мимо ушей. Она давно поняла: оправдания — это просто шум, который люди издают перед тем, как замолчать навсегда.

Нож вошел точно, профессионально, без лишней жестокости — ее учили, что жестокость непродуктивна и лишь вызывает ненужные эмоции. И сейчас она действительно не чувствовала ничего: ни отвращения, ни удовлетворения. Только легкую усталость, как после долгого рабочего дня, потому что, по сути, это и был рабочий день.

Сандра выдохнула. Отец и Марко будут ей гордиться. Она снова защитила честь семьи. Руки мелко дрожали, когда она вытирала их влажными салфетками.

Ей было двадцать четыре года. Через несколько месяцев она официально станет главой одной из самых могущественных преступных семей страны. У нее были деньги, власть, красота, уважение — все, о чем только можно мечтать.

Но не было ни единого человека, которому она могла бы позвонить прямо сейчас и просто сказать: «Мне нужно, чтобы кто-то посидел рядом, пока я не перестану видеть его ли-

цо, когда закрываю глаза».

Водитель, Паоло, молча ждал инструкций.

— Домой пока не надо, — сказала она тихо. — Высади меня через пару кварталов. Я хочу пройтись.

— Мисс Николетти, это не самый безопасный…

— Паоло. — Она произнесла его имя с интонацией, которая в их семье значила «разговор окончен». — Мне нужно побыть одной.

Он не стал спорить. Никто никогда с ней не спорил.

Дождь к тому моменту превратился в мелкую морось — тот типичный ноябрьский туман, который делает уличные фонари похожими на размытые акварельные пятна. Сандра шла, не разбирая дороги, в своем черном пальто, которое стоило дороже, чем вся квартира, которую она только что покинула, и которое — вот ирония — отлично скрывало пятнышко крови на манжете рубашки.

И тут она увидела вывеску.

«Горький шоколад» — гласили неоновые буквы кофейни на углу, выведенные немного кривовато, будто кто-то рисовал их от руки, а не заказывал у профессионального дизайнера. Витрина светилась теплым желтым светом, окна были слегка запотевшими от разницы температур внутри и снаружи. На стекле красовался нарисованный мелом кот, пьющий кофе из чашки размером с него самого, с подписью: «Понедельники — отстой. Мы понимаем».

Сандра усмехнулась про себя, сама не зная почему. Мо-

жет, потому что контраст был слишком абсурдным: пятнадцать минут назад она перерезала горло предателю, а теперь стоит и смотрит на рисунок кота и нелепую надпись.

Когда она вошла, над дверью звякнул колокольчик.

Внутри пахло жареными кофейными зернами, корицей и свежей выпечкой. Негромко играла какая-то старая джазовая пластинка, из тех, что нравятся людям, которые еще помнят, каково это — никуда не спешить. За стойкой стоял парень примерно ее возраста, с взъерошенными темными волосами, в фартуке, испачканном мукой, и с таким искренне счастливым выражением лица, будто весь смысл его существования заключался именно в этом моменте — в том, чтобы кто-то зашел выпить кофе в дождливый вечер.

— Добро пожаловать в «Горький шоколад»! — объявил он с энтузиазмом, который показался Сандре почти неприличным для девяти часов вечера в понедельник. — Меня зовут Том, и сегодня я официально объявляю себя вашим личным гидом по миру кофеина. Что будете пить?

Сандра окинула его быстрым оценивающим взглядом — профессиональная привычка, от которой она не могла избавиться даже здесь. Рост примерно метр восемьдесят, спортивное телосложение, но не угрожающее, скорее результат беготни по кухне, а не тренажерного зала. Ни оружия под фартуком, ни настороженности в глазах, ни малейшего намека на то, что он хоть что-то заподозрил в женщине, которая только что вошла с улицы с идеально холодным выраже-

нием лица.

Обычный. Безопасный. Невинный.

— Черный кофе, — сказала она коротко. — Без сахара.

Том замер, прижав ладонь к груди с таким видом, будто она только что сообщила ему смертельный диагноз.

— Без сахара? Серьезно? В такой вечер? — Он покачал головой с притворным сочувствием. — Леди, вы хоть понимаете, что просите меня налить вам в чашку чистое разочарование?

— Я просила кофе, а не терапию, — ответила Сандра, усаживаясь на высокий стул у стойки. Голос прозвучал холоднее, чем она планировала, но парень, казалось, этого даже не заметил или намеренно пропустил мимо ушей.

— Окей, уважаю ваш выбор. — Он уже крутился у кофемашины, двигаясь с той ловкостью, которая приходит только после многих лет практики. — Но предупреждаю: если вы передумаете на середине чашки и захотите карамельный сироп, я расценю это как личную победу.

— Не передумаю.

— Все так говорят. — Он подмигнул ей через плечо, и Сандра неожиданно для себя отметила, что у него очень располагающая улыбка: не хищная или расчетливая, какие она привыкла видеть у мужчин ее круга, а простая, почти детская в своей открытости.

Кофемашина зашипела, выпуская пар. Том насыпал зерна, утрамбовал их темпером с профессиональной точностью,

запустил экстракцию, и все это время не переставал говорить.

— Знаете, кстати, в чем ирония моей профессии? Я тут целыми днями рисую сердечки и листочки на капучино для людей, которые обычно слишком заняты, чтобы хотя бы посмотреть на них перед тем, как выпить залпом по дороге на работу. Это как рисовать картины на льду в июле.

— Тогда зачем вы это делаете? — спросила Сандра, сама удивившись, что задала вопрос. Обычно она не вступала в разговоры с посторонними дольше, чем того требовала необходимость.

Том на секунду задумался.

— Наверное, потому что кто-то все-таки замечает. Иногда. И этого хватает. — Он пожал плечами с обезоруживающей простотой. — Честно говоря, мне просто нравится создавать что-то красивое из того, что иначе было бы просто черной горькой жидкостью. Даже если это длится всего пару секунд, прежде чем кто-то сделает первый глоток.

Сандра промолчала. Что-то в этой фразе зацепило ее сильнее, чем следовало бы — отозвалось где-то в груди тупой, непонятной болью. Она потратила весь вечер, уничтожая то, что разрушало порядок в ее мире. А этот парень тратил свои дни, создавая красоту из того, что иначе было бы просто функциональным.

— Вот, прошу. — Том поставил перед ней чашку черного кофе. — Горький, как вы и просили. Но учтите: я буду

грустить всю смену, думая, что мог бы сделать вас чуточку счастливее с помощью карамели.

— Как-нибудь переживу, — сухо ответила Сандра, поднимая чашку.

— А я нет, — трагично вздохнул Том, прижимая руку ко лбу театральным жестом. — Моя профессиональная гордость будет страдать весь вечер. Возможно, мне придется уйти на больничный по эмоциональным причинам.

Сандра невольно приподняла бровь, сделав первый глоток. Кофе был хорош: крепкий, с легкой ноткой горечи, которая не нуждалась ни в каком смягчении. Именно так, как она любила.

— Вы всегда так много разговариваете с клиентами? — спросила она, пытаясь скрыть за сухостью тона легкое удивление от того, насколько мягко звучит ее голос в этом разговоре.

— Только с интересными. — Том оперся локтями о стойку, глядя на нее с откровенным любопытством. — А вы, кажется, именно такая. Пришли в девять вечера в дождь, заказали кофе без единого грамма удовольствия, и у вас такое лицо, будто вы только что вышли с деловых переговоров, которые закончились не в вашу пользу.

Сандра напряглась. «Переговоры, которые закончились не в мою пользу». Если бы он только знал, что именно закончилось сегодня вечером не в чью-то пользу, и насколько буквально. Но его глаза смотрели без тени подозрения, просто с

искренним, почти наивным интересом человека, привыкшего разгадывать настроение незнакомцев по мелким деталям, не вкладывая в это ничего зловещего.

— Что-то в этом роде, — ответила она уклончиво.

— Хотите, подниму вам настроение? У меня в арсенале есть коронный номер.

— Сомневаюсь, что это возможно, — сказала Сандра с тенью усмешки, — но попробуйте, раз уж так настаиваете.

Том торжественно поднял указательный палец, развернулся к кофемашине и начал готовить еще одну порцию, на этот раз, судя по движениям, капучино.

— Сейчас я продемонстрирую вам искусство латте-арта в его высшей форме, — объявил он с преувеличенной серьезностью телеведущего. — Обычно люди рисуют сердечки. Это банально и скучно. У меня есть кое-что получше.

Он взял молочник и начал аккуратно взбивать молоко, явно гордясь плавностью движений. Повернувшись, чтобы эффектно продемонстрировать результат, он зацепил локтем край стойки.

Молочник качнулся. Белая пенка с частью горячего капучино плеснула вперед — прямо на черное пальто Сандры и рукав ее рубашки. Туда, где, по иронии судьбы, под тканью скрывалось маленькое, едва заметное бурое пятно, о котором Том понятия не имел.

На долю секунды в кофейне повисла звенящая тишина.

Том замер с молочником в руке, глаза его расширились в

неподдельном ужасе.

— О нет! Нет, нет, нет, — забормотал он, хватая первую попавшуюся салфетку и бросаясь к ней через стойку. — Мне так жаль, я клянусь, я обычно не такой неуклюжий, просто иногда руки живут отдельной жизнью от остального тела. Я заплачу вам за химчистку, честное слово, просто скажите сумму и…

Сандра смотрела на расплывающееся на дорогой ткани пятно, на капли, стекающие по рукаву, на собственную ладонь, которую она автоматически выставила вперед, будто это могло что-то изменить… И внутри нее что-то странно дрогнуло.

Любой другой человек в ее мире поплатился бы минимум сломанными пальцами за подобную неуклюжесть. Она видела, как отец избивал охранника за то, что тот случайно опрокинул бокал вина на скатерть во время важного ужина. Она сама однажды уволила водителя за то, что тот испачкал ее туфли грязью с дороги.

А сейчас перед ней стоял взрослый мужчина, искренне, почти до слез переживающий из-за пятна капучино на чужом пальто и суетливо вытирающий ее рукав салфеткой с таким отчаянием, будто совершил преступление века.

И это было настолько абсурдно — настолько далеко от всего, что составляло ее привычную реальность, что Сандра почувствовала, как где-то в груди начинает подниматься что-то совершенно незнакомое. Сначала легкая дрожь. По-

том — короткий, почти судорожный вдох.

А потом она рассмеялась.

По-настоящему. Искренне. Так, как не смеялась, кажется, целую вечность, с самого детства, которое она почти не помнила. С тех времен, когда смех еще не нужно было контролировать и просчитывать.

Том замер. Салфетка повисла в воздухе, а он смотрел на нее с совершенно ошарашенным выражением лица.

— Простите… я не… — Он растерянно моргнул. — Это что, нервный смех? Инсульт? Вы в порядке? Мне вызвать скорую?

— Нет, — выдохнула Сандра, вытирая выступившие от смеха слезы, все еще не до конца веря, что это звук исходит именно от нее. — Нет, все… все нормально. Просто это было… — Она покачала головой, не находя подходящих слов. — Это было очень глупо. И очень смешно.

— Ну, спасибо. — Том медленно опустил салфетку, на его лице расцвела неуверенная, но явно довольная улыбка, будто он только что выиграл в лотерею, сам не до конца понимая правил игры. — Кажется, впервые облитый капучино человек реагирует именно так.

— Считайте это редким исключением. — Сандра попыталась вернуть на лицо маску спокойствия. Но что-то в этот раз получалось хуже обычного, будто улыбка приклеилась и не желала стираться так же легко, как раньше.

— Знаете что, — сказал Том, явно воодушевленный ее

реакцией, — раз уж я испортил ваше пальто, следующий кофе за счет заведения. Обещаю в этот раз держать молочник крепче.

— Не думаю, что это хорошая идея. — Сандра покосилась на свое испорченное пальто. — Моей химчистке сегодня и так придется нелегко.

— Тогда просто еще один черный кофе. Без рисунков. Без сахара. Без риска для вашей одежды. — Том поднял руки в жесте капитуляции. — Самый скучный, самый безопасный кофе в мире.

Сандра посмотрела на него долгим, изучающим взглядом. Где-то глубоко внутри сработал привычный инстинкт. Тот самый, что учил ее никогда и никому не доверять, искать скрытый мотив в каждой улыбке и подозревать ловушку за каждой случайностью.

Но сейчас, впервые за очень долгое время, этот инстинкт молчал. Потому что в глазах парня по имени Том не было ничего, кроме искреннего желания немного исправить момент неловкости и, кажется, легкого, совершенно безобидного любопытства к симпатичной девушке.

— Хорошо, — сказала она тихо. — Еще один.

— Договорились, — просиял Том, разворачиваясь обратно к кофемашине с видом человека, который только что получил второй шанс и не собирается его упускать.

Именно в этот момент в кармане ее пальто завибрировал телефон.

Сандра напряглась мгновенно — так же естественно, как дышала. Этот номер знал только один человек на свете, и он никогда не звонил просто так, тем более так поздно.

Марко.

Она отвернулась от стойки, прижала телефон к уху, понизив голос:

— Что случилось?

Том, не слышал слов, но уловив резкую перемену в ее позе. Его плечи напряглись, спина выпрямилась, вся легкость, которая была в нем секунду назад, испарилась без следа. Он замер с молочником в руке, озадаченно глядя на нее.

Голос Марко на другом конце звучал непривычно натянуто, без обычной уверенности наставника, который всегда знает, что делать.

— Сандра, у нас проблема. Тело Энцо нашли раньше, чем должны были. Кто-то вызвал полицию до того, как наши люди успели подъехать для зачистки.

Кровь в жилах Сандры похолодела.

— Это невозможно. Там никого не было поблизости.

— Был. — Голос Марко стал жестче. — Камера с соседнего склада, о которой мы не знали. И, судя по всему, запись увидела не только полиция.

Сандра крепче сжала телефон.

— Кто еще?

Пауза на другом конце длилась на секунду дольше, чем следовало — та самая пауза, которую Сандра за годы рядом

с Марко научилась распознавать безошибочно: пауза перед тем, как сказать что-то, чего говорить не хочется.

— Люди Де Луки, — произнес он наконец. — Запись уже у Дарио. И, Сандра… он не просто видел, как ты это сделала.

— А что еще?

— Он знает, где ты сейчас находишься.

Телефон в ее руке будто налился свинцом. Сандра медленно обернулась к окну кофейни — туда, где сквозь мокрое от дождя стекло витрины смутно виднелась пустая улица, фонари, мерцающие в тумане, и… темный силуэт автомобиля, застывшего у обочины напротив с выключенными фарами.

Машины, которой не было здесь пятнадцать минут назад.

— Том, — тихо позвала она, не отрывая взгляда от окна, и собственный голос показался ей чужим.

— Да? — Он поднял голову, все еще держа молочник, явно почувствовав, что что-то изменилось в самом воздухе кофейни.

— У вас есть здесь запасной выход?

Глава 2. Единственная

Запасной выход вывел их в узкий переулок, пропахший мокрым картоном и машинным маслом. Сандра вышла первой, Том — за ней, все еще сжимая в руке кухонное полотенце, будто оно могло послужить оружием против чего бы то ни было.

— Это точно что-то серьезное, — пробормотал он, озираясь по сторонам с видом человека, который наконец осознал, что влип в какую-то сомнительную историю, но из чистого упрямства решил довести дело до конца. — Обычно клиенты спрашивают про запасной выход, когда не хотят пересекаться с бывшим. Вы же не об этом?

— Не сегодня, — коротко ответила Сандра, уже набирая номер Паоло, параллельно вслушиваясь в звуки улицы: ни шагов, ни двигателя, ничего подозрительного. Машина у обочины, которую она заметила через окно, исчезла так же беззвучно, как и появилась, оставив только липкое ощущение, что кто-то только что смотрел на нее сквозь прицел. Метафорический или вполне реальный, она пока не знала.

— Хорошо, — медленно произнес Том, глядя, как она прячет телефон обратно в карман. — Я, конечно, обожаю драму не меньше, чем латте-арт, но вы не могли бы подсказать — мне стоит сейчас волноваться за свою жизнь или это

просто какой-то очень насыщенный понедельник конкретно для вас?

Сандра посмотрела на него: на капли дождя в растрепанных волосах, на кухонное полотенце, зажатое в кулаке с таким упорством, будто оно действительно могло их защитить, и вопреки всему происходящему почувствовала укол совершенно неуместной нежности.

— Идите внутрь, Том, — сказала она мягче, чем намеревалась. — Для вас это просто очередной понедельник. Обещаю.

— А для вас?

— А для меня работа. — Она развернулась и зашагала прочь, прежде чем он успел спросить что-то еще, прежде чем позволила себе задержаться в этом переулке еще хоть на секунду дольше необходимого.

Паоло уже ждал ее в машине на соседней улице, лицо его было непроницаемым, как и полагается хорошему водителю, но костяшки пальцев побледнели от того, с какой силой он сжимал руль.

— Марко ждет в особняке, — сказал он, как только она села внутрь. — Он просил передать, что все под контролем. Но хочет, чтобы вы приехали немедленно.

«Все под контролем» — фраза, которую в их мире произносили тогда, когда ничего не было под контролем, но признавать это вслух не хотелось.

Особняк Николетти стоял на холме, в стороне от города

— массивное каменное здание, больше похожее на крепость, чем на дом, с садом, который Сандра в детстве изучила вдоль и поперек в поисках хоть одного укромного уголка, где можно было бы спрятаться от уроков стрельбы с Марко.

Тот ждал ее в кабинете, уже без пиджака, с закатанными рукавами рубашки — верный признак того, что он провел последний час за решением серьезных проблем.

— Запись удалось выкупить у полицейского, который первым прибыл на место, — сказал он без предисловий, как только она закрыла дверь. — Но копия уже ушла Дарио Де Луке. Это не случайность, Сандра. Кто-то навел его именно на этот склад, именно в это время.

— Кто?

— Пока не знаю. — Марко потер переносицу тем усталым жестом, который она помнила с детства. Он делал так всегда, когда проблема оказывалась сложнее, чем хотелось бы признавать. — Но выясню. А пока у нас есть более срочная задача.

— Какая же?

— Твой отец, — произнес он тихо. — Сегодня он собирает совет капо. И, насколько я понял его настроение, собирается объявить то, что откладывал последние два года.

Сандра замерла.

— Сейчас? После того, что случилось сегодня?

— Именно поэтому сейчас. — Марко посмотрел на нее с той смесью гордости и тревоги, которую она привыкла ви-

деть в его глазах с тех пор, как ей исполнилось шестнадцать.

— Ты только что в одиночку нашла и устранила угрозу. И справилась с ситуацией, которая могла стоить семье всего. Он хочет, чтобы совет увидел это. Чтобы все увидели, кто на самом деле заслуживает трон.

Зал заседаний в особняке Николетти выглядел так же, как и полвека назад, когда дед Алессандры впервые собрал здесь капо своей только зарождающейся империи: темное дерево, тяжелые гобелены, длинный стол, за которым решались судьбы людей, никогда не присутствовавших при этом разговоре.

Сандра вошла в сопровождении Марко, уже переодевшись: темно-синее платье, высокие каблуки, волосы собраны в строгий узел. На лице ни следа той девушки, что час назад беззаботно смеялась в маленькой кофейне.

Дон Витторио Николетти сидел во главе стола, и даже сейчас, несмотря на то что Сандра уже знала о его болезни больше, чем ему хотелось бы, он выглядел внушительно. Седина на висках только добавляла благородства, а взгляд оставался таким же пронзительным, как в ее детстве, когда одного этого взгляда хватало, чтобы заставить замолчать целую комнату.

— Садись, — сказал он, кивая на пустой стул по правую руку от себя — место, которое традиционно занимал наследник.

Капо уже сидели за столом. Семь человек, все мужчины за пятьдесят, все помнящие Сандру еще ребенком, бегающим

по коридорам особняка, обменялись быстрыми взглядами, но промолчали. Рико, телохранитель Сандры, стоял у двери. Безмолвный страж, чей взгляд задержался на ней дольше необходимого, прежде чем вернуться к привычной настороженности.

— Сегодня моя дочь устранила угрозу, способную разрушить то, что я строил десятки лет, — начал Витторио без лишних предисловий, его голос разносился по залу с той властностью, что не нуждалась в повышении тона. — Информатор, продавший нас федералам, мертв.

Он сделал паузу, обводя взглядом присутствующих.

— Я откладывал это решение два года. Некоторые из вас — его взгляд скользнул по старшим капо, — надеялись, что я найду другой путь. Более традиционный. — В этом слове прозвучала легкая насмешка. — Но традиции хороши только тогда, когда они работают. А моя дочь показала себя лучше, чем кто-либо, кого я видел за последние двадцать лет в этом бизнесе.

Сандра сидела неподвижно, чувствуя на себе взгляды всех присутствующих, но не позволяя ни единой эмоции отразиться на лице. Именно этому ее учили с детства: лицо всегда должно оставаться непроницаемым.

— С сегодняшнего дня, — продолжил Витторио, и в зале стало так тихо, что было слышно, как потрескивают дрова в камине, — Алессандра Николетти — официальный наследник семьи. Единственный наследник. Когда придет время,

вся власть, все обязательства и вся ответственность перейдут к ней безраздельно.

Один из капо, старый Сальвестри, прокашлялся.

— При всем уважении, Дон Николетти, — осторожно начал он, — она молода. И… — он замялся, подбирая слова, — одна. У нее нет братьев, которые могли бы разделить это бремя, нет мужа, который мог бы укрепить позиции семьи через союз. Это риск.

Витторио медленно повернул голову, и температура в комнате будто упала на несколько градусов.

— Ты предлагаешь мне найти ей брата из воздуха, Сальвестри? — Его голос прозвучал обманчиво спокойно. — Или, может, ты предлагаешь, чтобы я выдал ее замуж за первого попавшегося союзника, лишь бы успокоить твою нервозность?

— Я лишь говорю, что одна наследница — это…

— Одна наследница, которая сегодня вечером в одиночку устранила проблему, с которой не справился десяток твоих людей, — отрезал Витторио. — Моя дочь не нуждается в брате, чтобы разделить бремя. Она нуждается в совете, который перестанет сомневаться в ней только потому, что она родилась женщиной, а не мужчиной.

Сальвестри побледнел и замолчал, опустив взгляд.

Сандра слушала этот обмен репликами с каменным лицом, но внутри что-то сжималось с каждым произнесенным словом. «Одна наследница». Она действительно была одна

— всегда была одна, с самого детства, без братьев, которые могли бы принять на себя хоть часть этого груза, без сестер, с которыми можно было бы перешептываться по ночам и делиться секретами.

Отец говорил о ней как об активе, как о достижении, и, возможно, это и было его формой любви. Но здесь, в этом зале, среди людей, анализирующих ее ценность для семьи, Сандра чувствовала себя не дочерью, а инвестицией, которая наконец-то начала приносить дивиденды.

— Совет принимает решение Дона, — произнес наконец самый старший из капо, и остальные один за другим склонили головы в знак согласия. Кто-то искренне, кто-то с плохо скрываемым сомнением, но формальность была соблюдена.

Витторио удовлетворенно кивнул и повернулся к дочери.

— С этого дня, — сказал он тише, уже только для нее, — ты не просто моя дочь, Алессандра. Ты будущее этой семьи. Я знаю, что требовал от тебя многого. Возможно, больше, чем должен был требовать отец от ребенка. Но ты справилась.

В этих словах была гордость, настоящая и неподдельная. И все же Сандра не могла избавиться от ощущения, что где-то в этот момент была похоронена та часть ее жизни, которой у нее никогда не будет. Без свободы, без нежности и… без любви.

Совет разошелся спустя час, и особняк постепенно затихал, когда в дверях кабинета появилась Беатрис Кальдерон

в ярко-красном пальто, с бутылкой вина в одной руке и сеткой апельсинов в другой. С выражением лица, которое могло означать только одно: она уже все знает, и у нее есть мнение на этот счет.

Пламенно-рыжие волосы Би, собранные в небрежный высокий хвост, казались единственным ярким пятном во всем этом доме, выдержанном в темных благородных тонах власти и сдержанности. Рядом с идеальным темным спокойствием Сандры Беатрис выглядела как живое воплощение бунта: веснушки на переносице, дерзкий разлет бровей и рыжая бестия внутри, которая никогда не умела — и не собиралась учиться — держать язык за зубами.

— Ну здравствуй, донна Николетти, — провозгласила Би, бросив пальто на спинку кресла с небрежностью человека, которому давно наскучили формальности этого дома. — Хотя погоди, тебя ведь еще официально не короновали. Можно пока просто «ваше будущее величество»?

— Можно просто «заткнись и налей вина», — ответила Сандра, но в голосе прозвучало что-то похожее на облегчение. Ей становилось по-настоящему спокойно рядом с Би, единственным человеком, при котором можно было хоть на секунду перестать держать спину идеально прямо.

Би плюхнулась в кресло, разлила вино по бокалам и без лишних церемоний протянула один Сандре.

— Я слышала про сегодняшний вечер, — сказала она, уже без привычной иронии в голосе. — И про Энцо. И про то, что

твой отец только что официально объявил тебя единственной наследницей перед всем советом.

— Новости разносятся быстро.

— Новости разносятся быстро, потому что твой отец звонит моему отцу, чтобы похвастаться. — Би усмехнулась, но в глазах мелькнула тень беспокойства. — Как ты?

Вопрос был простым, но Сандра не сразу нашлась, что ответить. Она сделала глоток вина, обдумывая слова.

— Нормально, — сказала она наконец. — Так, как и должна быть.

— Это не ответ, Сандра.

— Это единственный ответ, который у меня есть.

Би долго смотрела на нее, не говоря ни слова, и в этом молчании было больше понимания, чем в любом разговоре. Они знали друг друга слишком давно, чтобы притворяться. Би сама выросла в похожем мире, под похожим давлением, хотя ее семья никогда не требовала от нее того, чего требовала семья Николетти от Сандры, потому что в семье Кальдерон были старшие сыновья.

— Знаешь, что меня всегда поражало в тебе? — произнесла наконец Би, покручивая бокал в руках. — Ты никогда не жалуешься. Ни разу за все годы, что я тебя знаю. Даже когда твой отец заставил тебя в четырнадцать лет стоять на том чертовом приеме пять часов в туфлях, которые были малы на размер, потому что «наследнице не положено хромать на публике». Ты просто… терпела. Как будто это норма.

— А разве нет?

— Нет, Сандра. — Голос Би дрогнул, прежде чем снова обрести привычную твердость. — Это не норма. Это то, что из тебя сделали. Тебя вырастили, как оружие. А у оружия, знаешь ли, не бывает выходных. И ему некуда пойти, не с кем поговорить, нечем заняться, кроме как ждать следующего приказа выстрелить.

Эти слова упали в тишину кабинета, как камень в стоячую воду, и Сандра почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось, потому что это было правдой, настолько очевидной и настолько давно замалчиваемой, что услышать ее вслух оказалось почти физически больно.

— И что мне с этим делать? — спросила она тихо, впервые за весь вечер позволив голосу прозвучать не как голосу будущей главы семьи, а просто как голосу человека, уставшего быть оружием.

Би наклонилась вперед и взяла ее за руку. Редкий для них обеих жест нежности.

— Найти что-то, что сделает тебя человеком хотя бы иногда, — сказала она просто. — Пока еще не поздно.

Сандра промолчала, но перед глазами неожиданно всплыло лицо Тома — его нелепая паника из-за пролитого капучино, его искренний, ничем не омраченный смех, тепло маленькой кофейни, пахнущей корицей, где на несколько минут она забыла, кто она такая.

— Может, уже нашла, — произнесла она тихо, почти

неслышно, скорее для себя, чем для Би.

Но Би услышала. Ее брови взлетели вверх, а на губах расцвела та самая хитрая улыбка, которая всегда означала, что разговор только начинается.

— Так, стоп. — Она выпрямилась в кресле, глаза заблестели любопытством. — Что значит «нашла»? Алессандра Николетти, только не говори мне, что за один вечер ты не только убила предателя, но еще и…

Договорить она не успела.

Дверь кабинета резко распахнулась без стука — редкое нарушение этикета в этом доме, — и на пороге возник Марко. Лицо его было непривычно бледным, в руке — телефон, экран которого он сжимал так, будто тот мог взорваться.

— Сандра, — произнес он голосом, в котором впервые за много лет прозвучал настоящий, неприкрытый страх. — Тебе нужно это увидеть. Немедленно.

— Что случилось?

Марко молча развернул к ней экран телефона.

На нем было видео — зернистое, снятое с плохого ракурса камеры наблюдения, но вполне узнаваемое: склад, контейнеры и она сама, с ножом в руке, склонившаяся над телом Энцо Феррaро.

Под видео было короткое текстовое сообщение, отправленное с неизвестного номера всего пять минут назад:

«Красивая работа, донна Николетти. Скажи отцу, что Дарио Де Лука с нетерпением ждет встречи с его талантливой

наследницей на приеме в субботу. Приходи, или это видео найдет дорогу прямиком в офис ФБР».

Сандра почувствовала, как кровь отливает от лица.

Би медленно поднялась с кресла, заглянула через ее плечо на экран телефона, и впервые за весь вечер с ее лица исчезла привычная шутливость.

— Кто такой Дарио Де Лука? — спросила она тихо.

Марко посмотрел на Сандру долгим, тяжелым взглядом. Взглядом человека, который знал ответ слишком хорошо и понимал, что этот ответ меняет абсолютно все.

— Единственный сын нашего самого опасного врага, — произнес он медленно. — И, судя по всему, он только что получил именно то, что ему было нужно.

Глава 3. Безобидное существо

Видео пролежало в телефоне Марко всего двенадцать часов, прежде чем Сандра приняла решение.

Она сидела в своей комнате — той самой, что занимала с шести лет, обставленной строго, без единой лишней детали, будто и спальня должна была соответствовать статусу наследницы, — и смотрела на экран, где на паузе замерла зернистая запись: она сама, склонившаяся над телом Энцо.

«Приходи, или это видео найдет дорогу прямиком в офис ФБР».

Она могла бы рассказать отцу. Могла бы позволить Марко разобраться со всем этим через привычные каналы: найти источник угрозы, устранить, замять. Но что-то в этом сообщении, в этой наглой уверенности Дарио Де Луки, заставляло ее хотеть справиться самой. Доказать — себе, отцу, всему совету капо, — что единственная наследница не нуждается в чужой помощи, чтобы разобраться с угрозой.

Она положила телефон на тумбочку экраном вниз, будто это могло заставить проблему исчезнуть, и перевела взгляд на небольшой листок бумаги, лежавший рядом — чек из кофейни, который она зачем-то сохранила вчера вечером, с надписью синей ручкой внизу: «Спасибо, что не вызвали полицию из-за капучино. Ваш кофе всегда бесплатный. — Т.»

Она не планировала туда возвращаться. Это было бы

неразумно, непрофессионально, опасно… Особенно сейчас, когда кто-то мог следить за каждым ее шагом.

И все же, когда часы показали шесть вечера, она обнаружила себя на заднем сиденье машины, направляющейся в сторону того самого перекрестка, где светилась кривоватая неоновая вывеска «Горький шоколад».

Внутри было тихо, почти никого из посетителей, только негромкая музыка и запах свежемолотого кофе. За стойкой на этот раз стоял не Том, а кто-то другой — невысокий парень азиатской внешности, с растрепанными волосами и футболкой с принтом в виде инопланетянина, пьющего кофе из летающей тарелки.

— О! Клиент! Наконец-то хоть кто-то, кроме этого скептика. — Он кивнул в сторону Тома, не отрываясь от протирания стойки.

— Джейми, я не скептик, это ты параноик, — с достоинством произнес Том, прежде чем заметить Сандру и просиять неподдельной радостью. — О! Вы вернулись!

— Это она? — Тут же оживился Джейми, оглядывая Сандру с нескрываемым любопытством. — Загадочная девушка без сахара? Том о вас рассказывал. Много. Очень много для человека, который видел вас один раз в жизни.

— Джейми, — предупреждающе произнес Том, но было поздно.

— Неужели. — Сандра приподняла бровь, усаживаясь на привычный стул у стойки, с интересом наблюдая, как Том

слегка краснеет.

— Я Джейми, кстати. — Он протянул руку через стойку. — Напарник Тома по смене, кофе и экзистенциальным кризисам. Вы, значит, та самая…

Не успев договорить, он завизжал неожиданно тонким голосом:

— ТОМ! ТОМ, ОНО ЗДЕСЬ!

— Что именно «оно»? — спокойно уточнил Том.

— ПАУК! — Голос Джейми сорвался на фальцет. — Огромный! Размером с… с… я не знаю, с чем это сравнить, но это ужасно!

— Он размером с монетку, Джейми, я видел его утром. — Том закатил глаза, но в его тоне не было ни капли раздражения — только привычная, почти отеческая мягкость человека, который сталкивается с этим не в первый раз.

— МНЕ НЕ ВАЖЕН ЕГО РАЗМЕР. — Джейми прижался спиной к стойке, глядя на паучка, ползущего под дверь подсобки, будто оттуда вот-вот могла хлынуть армия членистоногих захватчиков. — У него восемь ног, Том! ВОСЕМЬ! Это противоестественно!

Сандра невольно улыбнулась, наблюдая за этой сценой с нескрываемым любопытством. Контраст был разительным: взрослый мужчина, вжавшийся в стойку от страха перед крошечным насекомым, и Том, который со спокойствием профессионального сапера уже исчезал за дверью подсобки.

— Можно посмотреть? — спросила она Джейми, вставая

со стула.

— На ваш страх и риск, — пробормотал тот, не отлипая от стойки. — Я лично туда ни ногой, пока это существо не будет депортировано на законных основаниях.

Сандра подошла к приоткрытой двери и остановилась на пороге, наблюдая.

Том присел на корточки у полки с пачками кофейных зерен, где в углу действительно сидел паук — небольшой, совершенно безобидный на вид, — и методично, без малейшей спешки, брал пустой пластиковый стаканчик и лист плотной бумаги с ближайшей полки.

— Ну здравствуй, дружище, — произнес он тихо, будто обращаясь к старому знакомому, аккуратно накрывая паука стаканчиком. — Знаю, знаю, грубо вот так тебя хватать, но поверь, снаружи тебе будет куда спокойнее, чем здесь, где каждый второй норовит раздавить подошвой.

Он подсунул лист бумаги под стаканчик со сноровкой человека, который явно проделывал это уже не раз, аккуратно поднял получившуюся конструкцию и, повернувшись, едва не столкнулся с Сандрой, стоящей в дверях.

— О. — Он слегка смутился, но тут же улыбнулся. — Не самое эффектное зрелище, но у нас с Джейми негласное соглашение: я эвакуирую мирных жителей, он создает панику. Разделение труда.

— Вы не убиваете их, — тихо заметила Сандра, не то спрашивая, не то констатируя факт, и что-то в ее голосе про-

звучало серьезнее, чем того требовала ситуация.

— Никогда. — Том покачал головой с такой убежденностью, будто это было не просто привычкой, а твердым жизненным принципом. — Он тут ни при чем, правда? Просто ищет тепло и что-нибудь перекусить, как и все мы. Несправедливо убивать кого-то только за то, что он вызывает у людей испуг.

Он прошел мимо нее к задней двери, ведущей в переулок, и бережно, стараясь не трясти стаканчик, выпустил паука наружу, в щель между мусорными баками.

— Удачи тебе там, приятель, — напутствовал он его вполголоса. — Постарайся не попадаться больше Джейми на глаза, а то он сначала делает, а потом думает.

Сандра наблюдала за этой сценой со странным теплым чувством, разрастающимся где-то в груди.

Она видела, как люди в ее мире убивали за куда меньшее, чем просто неудобство. Убивали не задумываясь, списывая чужие жизни как издержки бизнеса. А этот человек только что потратил несколько минут своего времени, чтобы крошечное, абсолютно бессмысленное с практической точки зрения существо осталось живым и невредимым.

— Большинство людей просто раздавили бы его, — сказала она, когда Том вернулся внутрь, отряхивая руки.

— Большинство людей много чего делают не думая. — Том пожал плечами с обезоруживающей простотой. — А я просто… не могу. Физически не могу причинить боль тому,

кто сам этого не выбирал. Даже пауку. Даже тараканам, как бы Джейми надо мной ни издевался за это.

— Это не слабость, — тихо произнесла Сандра, и в этих словах прозвучало что-то, чего она сама до конца не понимала, то ли зависть, то ли тоска по тому, кем могла бы стать сама, если бы ее мир был хоть немного иначе устроен. — Это что-то другое.

Том посмотрел на нее с неожиданным интересом, будто уловил в ее словах глубину, которая выходила далеко за рамки простого разговора о пауках.

— Знаете, большинство людей сказали бы, что я просто слишком мягкотелый для этого жестокого мира.

— А я думаю, — медленно произнесла Сандра, тщательно подбирая слова, — что мир был бы куда менее жестоким, если бы в нем было больше таких людей, как вы.

В кофейне повисла пауза, наполненная чем-то, что ни один из них не решался произнести вслух.

Из-за стойки, где все еще укрывался от воображаемой опасности Джейми, донесся осторожный голос:

— Оно… ушло?

— Эвакуировано на законных основаниях, — отозвался Том с легкой усмешкой, возвращаясь в зал. — Можешь выходить, герой.

Джейми выглянул из-за угла с видом человека, только что переждавшего стихийное бедствие, и, заметив Сандру, тут же вернул себе привычную браваду.

— Знаете, на кого вы очень похожи? — произнес он, прищурившись, разглядывая Сандру с преувеличенной задумчивостью. — На ту мафиозную принцессу из сериала, который все смотрят. «Кровь и шоколад», кажется?

Сандра почувствовала, как внутри нее что-то напряглось, хотя внешне она сохранила совершенно невозмутимое выражение лица.

— Не припоминаю, — ответила она ровно.

— Там героиня тоже такая, знаете, вся из себя неприступная, красивая, холодная снаружи, а внутри явно что-то бурлит, — продолжал Джейми, явно наслаждаясь собственной проницательностью, уже и думать забыв про недавний испуг. — И взгляд такой же, которым можно останавливать движение на перекрестках.

— Джейми, — вмешался Том с легким укором, — не каждая красивая брюнетка с серьезным взглядом автоматически превращается в мафиозную принцессу из телевизора.

— Ну конечно, конечно. — Джейми закатил глаза с притворной покорностью, явно не замечая, как на долю секунды напряглись плечи Сандры при этих словах. — Это просто совпадение, что она появляется здесь без предупреждения и уходит так же внезапно, как появляется. Абсолютно обычная девушка, никаких подозрительных признаков.

— Я, вообще-то, стою прямо здесь, — сухо заметила Сандра, хотя внутри у нее все похолодело от того, насколько близко, пусть и в шутку, Джейми подобрался к истине.

— Простите. — Джейми поднял руки в притворной капитуляции, но лукавая улыбка не покинула его лица. — Просто у меня богатое воображение и слишком много свободного времени на смене по вторникам. Не обращайте внимания. Кстати, раз уж я великодушно пережил встречу с монстром, я заслужил перерыв, — объявил он, уже снимая фартук. — Том, двадцать минут, не умри без меня.

Он исчез за дверью служебного помещения, оставив Тома и Сандру наедине в почти пустой кофейне.

— Простите его, — произнес Том с извиняющейся улыбкой. — Джейми верит в теории заговора больше, чем в собственную зарплату. На прошлой неделе он был убежден, что наш поставщик молока работает на инопланетян.

— У меня сложилось впечатление, что вы с ним отлично ладите несмотря на это, — заметила Сандра, позволив себе легкую улыбку, хотя внутренне до сих пор ощущала отголосок тревоги от случайно меткой шутки Джейми.

— Он как брат, которого я не просил, но без которого уже не представляю жизни. — Том пожал плечами с теплотой в голосе. — Кстати, я так и не узнал вашего имени. Вы приходите сюда уже второй раз, а я до сих пор мысленно называю вас «загадочная девушка без сахара».

Сандра на мгновение замешкалась. Назвать настоящее имя было слишком опасно. Фамилия Николетти была слишком известна и слишком на слуху даже среди тех, кто не связан напрямую с криминальным миром.

— Алесса, — сказала она наконец, используя сокращение, достаточно близкое к правде, чтобы не выглядеть откровенной ложью, но достаточно нейтральное, чтобы не вызвать опасных ассоциаций.

— Алесса, — повторил Том, будто пробуя имя на вкус. — Красиво. Звучит как имя человека, который точно знает, чего хочет от жизни.

«Если бы ты только знал, насколько мало я на самом деле контролирую в своей жизни», — подумала Сандра, но вслух сказала лишь:

— Просто имя.

Выпив черный кофе без сахара и поговорив о мелочах, она пообещала Тому зайти снова на этой неделе и вышла из кофейни час спустя, когда на город уже опустились сумерки. Паоло ждал ее у машины, как обычно, но в этот раз его лицо выглядело непривычно напряженным.

— Что-то случилось? — спросила Сандра, садясь внутрь.

— Марко звонил, пока вы были в кафе, — осторожно произнес он, трогаясь с места. — Просил передать, что нашел источник утечки информации о складе.

Сандра напряглась.

— И кто это?

Паоло помедлил, бросив на нее быстрый взгляд в зеркало заднего вида.

— Он не сказал. Ответил, что это слишком серьезно для разговора по телефону, даже по защищенной линии. Просил

вас приехать немедленно, он ждет в кабинете.

Сандра почувствовала, как внутри нее нарастает знакомое напряжение, то самое, что обычно предшествовало плохим новостям.

— Он сказал что-нибудь еще?

Паоло снова замешкался, прежде чем ответить, и в этой паузе было что-то, что заставило сердце Сандры забиться быстрее.

— Только одно, — сказал он наконец, не отрывая взгляда от дороги. — Он сказал, что источник утечки находится ближе к вам, чем вы думаете. И что вам нужно быть очень осторожной с теми, кому вы доверяете в последнее время.

Сандра медленно повернула голову к окну, глядя на удаляющиеся огни кофейни «Горький шоколад». Туда, где за стеклом витрины все еще виднелся силуэт Тома, протирающего стойку с беззаботностью человека, абсолютно не подозревающего, что где-то в тени его маленького уютного мира уже начинает затягиваться петля куда более опасная, чем любой паук в подсобке.

Особняк встретил ее непривычной тишиной — ни охраны у главного входа, ни привычного света в окнах кабинета отца. Марко нашелся не в своем кабинете, а в маленькой библиотеке на первом этаже — месте, которым пользовались крайне редко, только когда разговор не предназначался для чужих ушей.

Он стоял у окна, сжимая в руке тот же телефон, что и на-

кануне, лицо его в тусклом свете настольной лампы казалось постаревшим лет на десять.

— Марко. — Она закрыла за собой дверь. — Ты меня пугаешь. Кто сливает информацию?

Он долго молчал, прежде чем ответить, и в этом молчании была целая вечность.

— Прежде чем я скажу, — произнес он наконец, не поворачиваясь к ней, — я хочу, чтобы ты знала: что бы ни случилось дальше, я всегда действовал в интересах семьи. Запомни это.

Холодок пробежал по спине Сандры.

— Марко, ты меня пугаешь по-настоящему. Кто это?

Он наконец повернулся к ней, и в его глазах она увидела страх, смешанный с чем-то похожим на вину.

Он протянул ей телефон, на экране которого была открыта фотография — зернистый, явно сделанный исподтишка снимок уличной камеры наблюдения.

На фотографии была она сама, стоящая вчера у окна кофейни «Горький шоколад», в тот самый момент, когда она впервые заметила темный силуэт машины на противоположной стороне улицы.

А рядом с ее фигурой, едва различимый в тени дверного проема соседнего здания, стоял еще один человек, которого Сандра узнала мгновенно, несмотря на плохое качество снимка.

Рико.

— Он следил за тобой, Сандра, — произнес Марко едва слышно. — Три дня. С самой первой твоей вылазки на склад, а затем в квартиру Энцо. И судя по записям с его личного телефона, которые мне удалось получить сегодня утром, он передавал твое местоположение кому-то за пределами семьи.

Сандра почувствовала, как земля уходит у нее из-под ног.

— Это невозможно, — прошептала она. — Рико — мой давний друг, мой телохранитель, он никогда бы меня не предал.

Марко посмотрел на нее с выражением, в котором смешались сочувствие и что-то похожее на предупреждение.

— Я тоже так думал, — сказал он тихо. — До сегодняшнего утра. А теперь взгляни на последнее сообщение в его переписке, отправленное час назад.

Он пролистал экран и протянул ей телефон.

Сандра прочитала короткую строчку текста, адресованную неизвестному номеру, и почувствовала, как внутри нее что-то обрывается:

«Она снова едет в особняк. Все идет по плану. Будьте готовы сегодня ночью».

Глава 4. Мир без сравнения

Телефон выпал бы из ее рук, если бы не годы тренировки держать лицо и тело неподвижными даже тогда, когда внутри рушится весь мир.

«Она снова едет в особняк. Все идет по плану. Будьте готовы сегодня ночью».

— Это ошибка, — произнесла Сандра, но собственный голос прозвучал чужим, неубедительным даже для нее самой. — Рико со мной с пятнадцати лет. Он не мог…

— Я хочу, чтобы ты была права, — тихо сказал Марко, забирая у нее телефон. — Поэтому я ничего не предпринял, пока не поговорил с тобой. Но факты есть факты, Сандра. И сегодня ночью произойдет что-то, к чему мы не готовы.

— Где он сейчас?

— У главных ворот. На обычном посту, как будто ничего не произошло.

Сандра стояла неподвижно, глядя в темное окно библиотеки, за которым угадывались очертания сада.

Рико. Человек, который научил ее держать оружие так, чтобы отдача не выбивала плечо. Человек, который однажды, когда ей было девятнадцать, принял пулю, предназначавшуюся ей, и неделю провел в больнице, ни разу не пожаловавшись.

Человек, который неделю назад признался ей в любви и

получил отказ.

Внезапная мысль обожгла ее изнутри: что, если это не предательство ради денег или власти, а нечто куда более личное? Что, если уязвленная гордость отвергнутого мужчины оказалась страшнее любой суммы, которую мог предложить враг?

— Я поговорю с ним, — сказала она наконец.

— Сандра, это может быть опасно…

— Он не причинит мне вреда, Марко, — отрезала она с уверенностью, в которой сама не была до конца уверена. — Что бы ни происходило, в это я все еще верю.

Она вышла из библиотеки, оставив Марко одного с его тревогой и телефоном, хранящим доказательства предательства человека, которого она знала почти половину своей жизни.

Путь через темный сад к главным воротам занял не больше пяти минут, но за это время сознание Сандры успело унестись далеко назад.

Комнату на втором этаже особняка ей выделили, когда ей едва исполнилось шесть — строгую, без единой лишней детали, будто детская спальня тоже должна была готовить ее к будущему, в котором не было места мягким игрушкам и беззаботности. Марко тогда сказал отцу, что девочке пора привыкать к порядку. Отец согласился.

Два года спустя, дождливым вечером, точно таким же, как сегодня, Марко впервые привел ее в подвальный тир.

— Держи крепче. — Его голос звучал терпеливо, но непреклонно, пока его руки поправляли ее хватку на рукояти пистолета, слишком большого для маленьких детских ладоней. — Не бойся отдачи. Она твой друг, не враг. Она говорит тебе, что оружие работает правильно.

Восьмилетняя Алессандра стояла в тире, оборудованном в подвале особняка — месте, о существовании которого не знали большинство детей ее возраста, — и пыталась не дрожать, хотя холод бетонных стен пробирал до костей.

— А можно мне вместо этого велосипед? — спросила она тогда тихим голосом, глядя на мишень, расположенную слишком далеко для ее маленького роста. — У Джины из соседнего дома есть велосипед с розовыми лентами на руле. Она катается по улице каждый день после школы.

Марко на мгновение замер, и что-то в его взгляде — какая-то тень сожаления, которую она тогда не сумела распознать — промелькнуло и тут же исчезло.

— Велосипеды — для обычных девочек, Алессандра, — сказал он наконец, его голос смягчился ровно настолько, насколько позволяла его собственная выучка. — А ты не обычная девочка. Твой отец доверил мне подготовить тебя к будущему, которое намного важнее катания по двору.

— Какому будущему?

— Такому, в котором тебе не придется бояться никого и ничего, — ответил он, вновь поправляя ее хватку на пистолете. — Такому, где ты сама решаешь, кто будет в без-

опасности, а кто нет. Это куда ценнее велосипеда, девочка моя. Поверь.

Она не поверила, по крайней мере, не тогда. Но спорить с Марко, с его спокойной, непреклонной логикой, было так же бессмысленно, как спорить с отцом. И потому восьмилетняя Сандра подняла пистолет, прицелилась так, как ее учили, и нажала на спусковой крючок.

Отдача ударила в плечо сильнее, чем она ожидала, и она не удержалась от короткого всхлипа боли.

— Хорошо, — сказал Марко, даже не заметив этой секундной слабости, уже принимаясь поправлять ее стойку для следующего выстрела. — Еще раз. На этот раз постарайся не моргать.

Она не плакала. Даже тогда, в восемь лет, с плечом, которое будет болеть еще неделю, — она не плакала, потому что давно усвоила: в этом доме слезы считались признаком слабости, а слабость была единственным, чего по-настоящему боялся и ненавидел ее отец.

Прошло еще три года, прежде чем она действительно научилась стрелять без промаха. И еще пять, прежде чем она применила этот навык не на тренировочном стрельбище, а против живого человека, который пытался причинить вред семье.

Она так и не получила велосипед с розовыми лентами. Вместо этого, когда ей исполнилось двенадцать, отец подарил ей на день рождения именной пистолет с перламутро-

вой рукояткой. «Для особых случаев», как он выразился тогда, явно считая это щедрым, продуманным подарком.

Она помнила, как смотрела на этот пистолет, лежащий в бархатной коробке, и думала о Джине из соседнего дома, которая к тому моменту уже сменила велосипед на роликовые коньки, и явно не представляла себе мира, в котором оружие дарят вместо игрушек.

«Это мой мир, жестокий и кровавый, — сказала она тогда самой себе, закрывая коробку. — Нет смысла сравнивать».

У нее не было подруг за пределами семей союзных кланов — тех немногих девочек, которых привозили на редкие светские приемы, где все разговоры вращались вокруг бизнеса родителей, а не вокруг обычных детских секретов. У нее не было школьных танцев, только официальные балы, на которых каждое движение, каждое слово просчитывалось заранее, как ходы в шахматной партии. У нее не было права на ошибку, которую можно было бы просто пережить, посмеяться над ней позже с друзьями. Каждый промах мгновенно превращался в урок, который вдалбливали снова и снова, пока он не укоренялся в подкорке настолько глубоко, что становился второй натурой.

Единственным человеком, который хоть немного смягчал эту суровую реальность, был сам Марко — не отец, слишком занятый делами семьи, чтобы уделять дочери достаточно тепла, а именно он, консильери, учитель, и, как

ей казалось все эти годы, самый близкий к отцовской фигуре человек в ее жизни.

Он был строг, но справедлив. Он требовал многого, но никогда не требовал того, чего, по его мнению, она не могла бы выдержать. Он был единственным, кто иногда, очень редко, позволял себе похвалить ее не за эффективность устранения проблемы, а просто за ее характер: за упрямство, за ум, за ту сталь, что он сам в нее вложил.

Она верила ему безоговорочно. Все эти годы.

Позднее в ее жизни появился Рико, ставший отдушиной. Человеком, который всегда незримо был рядом, помогал и поддерживал. Он по одному взгляду понимал, что Сандра едва сдерживает слезы, и тут же подходил ближе, стеной огораживая ее от любых внешних триггеров.

Воспоминание растворилось так же внезапно, как возникло, когда Сандра увидела впереди фигуру Рико, стоящего на привычном посту у главных ворот особняка — высокого, широкоплечего, с тем же непроницаемым выражением лица, которое она видела тысячи раз за годы их знакомства.

При виде нее он выпрямился еще сильнее, его рука машинально потянулась к поясу, где обычно крепилась кобура. Жест настолько автоматический, что Сандра не могла с уверенностью сказать, защитный он был или нет.

— Донна Николетти, — произнес он формально, хотя обычно, когда они оставались наедине, позволял себе называть ее просто по имени. — Что-то случилось?

Сандра остановилась в нескольких шагах от него, пристально вглядываясь в его лицо в поисках хоть малейшего намека на вину, на страх, на что угодно, что подтвердило бы или опровергло то, что она только что увидела на экране телефона Марко.

— Рико, — сказала она тихо. — Мне нужно знать правду. И мне нужно, чтобы ты сказал мне ее прямо сейчас, без игр и без попыток защитить себя красивыми словами.

Что-то промелькнуло в его глазах. Не страх, не паника, а скорее глубокая, застарелая усталость человека, который давно ждал этого разговора.

— О чем ты спрашиваешь, Сандра? — Его голос, обычно такой уверенный, дрогнул на последнем слове.

— О сообщении, которое ты отправил час назад, — произнесла она, наблюдая, как его лицо медленно меняется, теряя привычную маску спокойствия. — «Она снова едет в особняк. Все идет по плану. Будьте готовы сегодня ночью».

Рико замер. На долю секунды его глаза расширились, не от неожиданности быть пойманным, а от чего-то другого, более глубокого, похожего на осознание того, что время, которое у него, возможно, еще оставалось, только что истекло.

— Сандра, — произнес он медленно, и в его голосе впервые за весь разговор прозвучала настоящая, неприкрытая тревога, — ты не понимаешь, что происходит. Это совсем не то, что ты думаешь.

— Тогда объясни мне, — потребовала она, чувствуя, как

внутри нее нарастает холодная ярость, смешанная с чем-то куда более болезненным — предательством человека, которому она доверяла свою жизнь буквально десятки раз. — Объясни прямо сейчас, Рико, потому что у меня в руках доказательства того, что ты три дня следил за мной и передавал информацию о моем местоположении кому-то за пределами семьи.

Рико сделал шаг вперед, его руки поднялись в умоляющем жесте, но Сандра инстинктивно отступила, и это движение, казалось, причинило ему физическую боль.

— Это не измена, Сандра, клянусь тебе, — быстро заговорил он, понизив голос почти до шепота, бросая нервные взгляды в сторону особняка, будто опасался, что их кто-то услышит. — Это… это сложнее. Гораздо сложнее. И у меня не было выбора, когда они пришли ко мне.

— Кто «они»?

Рико открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент тишину ночи разорвал резкий звук — хлопок, похожий на выстрел, донесшийся откуда-то со стороны главного здания особняка, а вслед за ним крик, который Сандра узнала мгновенно.

Голос Марко.

Рико мгновенно изменился в лице, его рука метнулась к кобуре с профессиональной скоростью, а взгляд, брошенный на Сандру, был полон такого неподдельного страха, что на мгновение она забыла о том, что подозревала его в преда-

тельстве.

— Беги внутрь, немедленно, — выдохнул он, уже разворачиваясь в сторону здания, откуда донесся крик. — Сандра, пожалуйста, просто пойдем со мной.

Но Сандра уже не слушала. Она бросилась вперед, к особняку, к библиотеке, где всего пять минут назад оставила Марко одного.

Добежав до приоткрытой двери библиотеки, она замерла на пороге, и кровь застыла в ее жилах.

Марко лежал на полу, прижимая руку к боку, откуда сквозь пальцы сочилась темная кровь, а над ним, с пистолетом, все еще дымящимся после выстрела, стоял человек, которого Сандра меньше всего ожидала увидеть в этот момент.

Это был не чужак, не враг из клана Де Лука, не наемный убийца.

Это был Паоло — ее собственный водитель, человек, который возил ее каждый день последние три года, которому она доверяла свою жизнь без единой тени сомнения.

— Паоло? — Голос Сандры прозвучал едва слышно, полный недоумения, смешанного с нарастающим ужасом. — Что ты?..

Паоло медленно повернулся к ней, и выражение его лица — то самое лицо, которое она видела тысячи раз в зеркале заднего вида машины, — теперь казалось абсолютно незнакомым, словно маска, которую он носил все эти годы, наконец упала, обнажив что-то совершенно иное.

— Простите, мисс Николетти, — произнес он тихо, поднимая пистолет в ее направлении со спокойствием человека, который давно готовился к этому моменту. — Но у меня приказ.

Глава 5. Растение в горшке

То, что происходило дальше, заняло меньше трех секунд — ровно столько, сколько потребовалось опыту, вбитому в тело Сандры годами тренировок в подвальном тире, чтобы сработать быстрее, чем успел сработать страх.

Она упала и одновременно рванулась вбок — движение, отточенное до автоматизма, — и пуля Паоло прошла там, где секунду назад была ее голова, впилась в деревянную панель книжного шкафа за ее спиной. Не теряя инерции падения, она перекатилась, выдернула из-под подола платья нож, закрепленный на бедре — тот самый, с которым не расставалась никогда, даже на светских приемах, — и бросила его одним выверенным движением запястья.

Паоло охнул, когда лезвие вошло в его предплечье, пистолет выпал из онемевших пальцев и со стуком покатился по паркету.

За спиной послышались быстрые шаги. Рико, вбежавший в библиотеку с оружием наготове, замер на пороге, мгновенно оценивая ситуацию: раненый Марко на полу, Паоло, зажимающий кровоточащую руку, и Сандра, уже поднимающаяся на ноги с ледяным спокойствием человека, для которого подобные сцены — просто очередная рабочая задача.

— Не двигайся, — произнес Рико, направляя пистолет на Паоло, но голос его дрожал. Не от нерешительности, а от че-

го-то похожего на отчаяние.

Сандра медленно подошла к водителю, прижавшему к себе раненую руку, и остановилась над ним: миниатюрная фигура в темно-синем платье и высоких каблуках, которые стучали по паркету с такой же угрожающей непреклонностью, как шаги палача.

— Кто тебя послал, Паоло? — спросила она тихо, и в этих словах было больше угрозы, чем в любом крике.

Паоло поднял на нее взгляд, полный боли и, как ни странно, какого-то отстраненного, почти облегченного спокойствия, будто он давно ждал момента, когда все закончится, неважно как.

— Вы все равно узнаете, — прохрипел он. — Рано или поздно. Де Лука предложил больше денег, чем я мог бы заработать за десять лет работы на вашу семью. У меня дочь, мисс Николетти. Больная дочь, которой нужны операции, которые ваш отец никогда не согласился бы оплатить для простого водителя.

Что-то дрогнуло в груди Сандры — не жалость, нет, на жалость у нее не было права в подобные моменты, — но что-то похожее на горькое узнавание. Еще один человек, которого довела до предательства не жадность, а отчаяние. Еще одна жертва мира, в котором она родилась и которым однажды будет управлять.

— Марко нужна помощь, немедленно, — сказала она, отворачиваясь от Паоло с решимостью, не оставляющей со-

мнений в его дальнейшей судьбе. — Рико, вызови семейного врача. И проверь периметр. Если Паоло действовал не один, нам нужно узнать это прямо сейчас.

Рико кивнул, все еще держа пистолет направленным на раненого водителя, но в его взгляде, брошенном на Сандру, промелькнуло что-то похожее на благоговение, смешанное с болью.

— Сандра, — тихо произнес он, когда она опустилась на колени рядом с Марко, зажимая его рану голыми руками, не обращая внимания на кровь, пачкающую дорогую ткань платья. — Насчет того сообщения… Я должен объяснить.

— Позже, — отрезала она, не поднимая взгляда.

Домашний врач семьи, пожилой мужчина по фамилии Герарди, приехал через двенадцать минут — рекордное время даже для человека, которому платили именно за готовность примчаться в любой час ночи без вопросов. Марко увезли в оборудованную операционную в подвале особняка, ту самую часть дома, где официально никогда не велось никаких медицинских процедур, подлежащих регистрации в больничных документах.

Паоло, уже скованный наручниками и под охраной двух надежных людей Витторио, ожидал решения своей участи в подвале совсем другого рода.

Сандра стояла в коридоре у операционной, глядя на свои окровавленные руки с тем же отстраненным спокойствием, с которым привыкла смотреть на последствия насилия. Спо-

койствием, которое давалось ей все труднее с каждым разом, хотя она никогда бы не призналась в этом вслух.

Рико нашел ее там спустя час, когда Герарди наконец объявил, что Марко стабилен и его жизни ничего не угрожает.

— Сандра, — позвал он тихо, останавливаясь на безопасном расстоянии. Она сама установила между ними эту грань неделю назад, отклонив его признание.

Она повернулась к нему, и впервые за весь этот кошмарный вечер позволила себе проявить хоть каплю настоящей усталости.

— Расскажи мне все, — сказала она просто. — Сейчас. Без утайки.

Рико глубоко вздохнул.

Три дня назад к нему подошел человек, представившийся посредником Де Луки, и показал фотографии его младшей сестры, живущей в Италии — обычной девушки, никак не связанной с криминальным миром, которая, тем не менее, внезапно оказалась под пристальным вниманием людей, способных заставить исчезнуть кого угодно без единого следа.

— Они не просили предавать тебя, — тихо объяснил Рико, пряча взгляд. — Просто информировать о твоих перемещениях. Невинная, казалось бы, просьба… поначалу. Но потом они стали требовать больше, а я… я боялся, Сандра. Не за себя. За нее.

— А сообщение про сегодняшнюю ночь?

— Я не знал, что они планируют нападение. — Голос Рико

дрогнул, в нем прозвучало отчаяние человека, который понимал, насколько хрупко сейчас его оправдание. — Клянусь тебе, если бы я знал, я бы никогда не отправил эту информацию. Я думал, что просто сообщаю о твоем расписании. Я не представлял, что они используют Паоло...

Сандра долго смотрела на него, пытаясь разглядеть ложь за словами — многолетняя привычка, въевшаяся в нее так же глубоко, как умение стрелять без промаха. Но в глазах Рико не было лжи. Была только боль человека, разрывающегося между преданностью и любовью к сестре, которую больше никогда не увидел бы живой, откажись он сотрудничать.

— Я должна убить тебя за это, — произнесла она наконец, и собственный голос прозвучал устало, почти мягко. — По всем законам нашего мира ты заслуживаешь наказания за неподчинение и скрытность.

— Я знаю, — тихо отозвался Рико.

— Но я этого не сделаю, — продолжила она. — Потому что если бы на твоем месте оказалась я, а на месте твоей сестры — кто-то, кого я люблю, я бы поступила так же.

Рико поднял на нее изумленный взгляд, явно не ожидавший подобного милосердия.

— Но это последний раз, — добавила Сандра жестче. — С этого момента ты рассказываешь мне обо всех угрозах немедленно, без утайки. И мы вместе разберемся с Де Лукой и твоей сестрой. Понял меня?

— Понял, — прошептал он с облегчением, граничащим

со слезами, которые, впрочем, так и не пролились.

Остаток ночи прошел в организации защиты для сестры Рико и в бесконечных разговорах с отцом, который, узнав о случившемся, пришел в ярость, смешанную со страхом за дочь — чувство, которое он редко позволял себе показывать так явно.

К утру среды Сандра не спала уже больше суток, и усталость, физическая и эмоциональная, навалилась на нее тяжестью, с которой она с трудом справлялась.

Именно поэтому, когда часы показали шесть вечера, она снова обнаружила себя у дверей «Горького шоколада». Не потому что это было разумно или безопасно, а потому что ей отчаянно нужно было хотя бы на полчаса оказаться в месте, где никто не пытался ее убить, предать или использовать.

Колокольчик над дверью привычно звякнул, и запах корицы и свежего кофе на мгновение позволил ее плечам расслабиться.

— Алесса! — Том просиял при виде нее, но улыбка почти сразу сменилась тревогой. — Вы выглядите… измотанной. Все в порядке?

— Просто тяжелая рабочая неделя, — ответила она, усаживаясь на привычный стул, стараясь не думать о том, что ссадина на запястье от сегодняшней схватки с Паоло видна из-под рукава пальто.

— Тяжелая рабочая неделя в середине недели — это тревожный звоночек, — заметил Том, уже доставая чашку для

ее обычного заказа. — Чем вы вообще занимаетесь, что это настолько выматывает?

— Семейный бизнес, — уклончиво ответила Сандра, и сама заметила, насколько привычной стала эта полуправда.

Том не стал настаивать, за что она была ему благодарна, и вместо этого полез под стойку, доставая что-то небольшое, завернутое в оберточную бумагу.

— У меня тут для вас кое-что есть, — сказал он с легким смущением. — Это, наверное, прозвучит странно, но… вот.

Он протянул ей маленький керамический горшок с крошечным растением с мясистыми и удивительно симметричными листьями.

— Что это? — спросила она, осторожно принимая горшок, будто это была хрупкая улика с места преступления, а не простой подарок.

— Суккулент. — Том слегка покраснел, отводя глаза. — Я подумал… вы вечно приходите сюда с таким лицом, будто несете на себе вес всего мира. И мне показалось, может, вам нужно что-то, о чем можно заботиться, кроме дел. Что-то маленькое, что не требует многого — просто немного воды раз в две недели и солнечный свет. Это, конечно, не велосипед с розовыми лентами и не решение ваших проблем, но…

Сандра замерла, пальцы крепче сжали холодную керамику горшка.

— Почему вы сказали именно про велосипед? — спросила она тихо, и в ее голосе прозвучало напряжение, которое

Том, к счастью, не сумел распознать.

— А, это? — Том замешкался. — Просто глупая метафора, которая пришла в голову. Знаете, вещь из детства, которая символизирует беззаботность. У меня в детстве был велосипед, и это были, наверное, самые счастливые воспоминания — просто кататься по улице без единой мысли в голове. Подумал, может, и вам стоит иметь что-то настолько же простое.

Сандра опустила взгляд на суккулент в своих руках, чувствуя, как к горлу подкатывает совершенно неуместный, предательский ком.

— Спасибо, — произнесла она едва слышно. — Это… это очень мило с вашей стороны.

— Знаете, — вдруг сказал Том, неловко почесывая затылок, — мне кажется странным, что мы постоянно говорим друг другу «вы», особенно после того, как я облил вас капучино.

Сандра приподняла бровь, впервые за вечер позволив себе настоящую, не дежурную улыбку.

— Ты прав, — сказала она, и это простое слово прозвучало непривычно легко на языке, будто снимало невидимый груз. — Хватит с меня церемоний на сегодня.

— Отлично. Как назовешь его? — с готовностью спросил Том, явно обрадованный ее реакцией.

— Назвать? — Сандра непонимающе моргнула.

— Ну да, растениям обязательно нужны имена. Это на-

учный факт. — Том кивнул с притворной серьезностью. — Мой первый фикус звали Кевин.

Сандра невольно улыбнулась.

— Назову его… Стелла, — сказала она наконец, сама не до конца понимая, почему выбрала именно это имя, возможно, потому что оно звучало легко, воздушно, совершенно не похоже на тяжеловесные имена, окружавшие ее всю жизнь.

— Прекрасное имя, — одобрительно кивнул Том. — Стелле понравится твой подоконник, обещаю.

Именно в этот момент из подсобки вышла пожилая женщина, невысокая, с седыми волосами, собранными в аккуратный пучок, и проницательными темными глазами, которые, казалось, видели куда больше, чем положено видеть обычному человеку.

— Том, детка, не забудь занести ящик с молоком, — произнесла она с легким, едва уловимым акцентом, прежде чем ее взгляд остановился на Сандре, и в нем что-то неуловимо изменилось.

— Бабушка, познакомься, это Алесса, — с готовностью представил ее Том. — Алесса, это моя бабушка, Нонна. Она здесь главная, несмотря на то что официально уже год как на пенсии.

— Кто-то же должен следить, чтобы мальчик не сжег заведение, экспериментируя со своим латте, — сухо заметила Нонна Эстель, но ее взгляд, устремленный на Сандру, оставался внимательным и изучающим. Так смотрят люди, про-

жившие достаточно долго, чтобы научиться различать правду.

— Приятно познакомиться, — вежливо произнесла Сандра, слегка наклонив голову.

Нонна Эстель долго молчала, ее взгляд скользнул по лицу Сандры, по ее идеально уложенным волосам, по дорогому пальто, по прямой осанке и ухоженным рукам с аккуратным маникюром.

— У вас усталые глаза для такой молодой девушки, — сказала она наконец, и в этих словах было больше, чем простое наблюдение.

— Долгая неделя, — повторила Сандра привычную отговорку.

— Долгая жизнь, я бы сказала, — тихо возразила Нонна Эстель, и что-то в ее тоне заставило Сандру напрячься.

Старушка больше ничего не сказала, лишь кивнула каким-то своим мыслям и вернулась в подсобку, оставив Сандру с неприятным, зудящим ощущением, что эта пожилая женщина увидела в ней что-то, что должно было оставаться невидимым для посторонних глаз.

Позже, когда Том провожал ее к двери, уже почти у самого выхода, Сандра остановилась, не в силах подавить любопытство.

— Том, — сказала она, оборачиваясь, — твоя бабушка… она давно держит эту кофейню?

— Почти тридцать лет, — ответил Том с теплотой в голо-

се. — Открыла ее незадолго до моего рождения, когда переехала сюда из Италии. Вообще-то, у нее довольно трагичная история — она потеряла сына, моего отца, когда моя мама была еще беременна мной. Мама погибла в автокатастрофе спустя три года… Я вырос с бабушкой, а она особо не рассказывала подробностей. Только иногда, если выпьет лишний бокал вина на Рождество, упоминает что-то о «старых долгах» и «людях, которые не умеют отпускать прошлое». Я никогда не расспрашивал слишком настойчиво — некоторые раны, видимо, лучше не трогать.

Сандра почувствовала, как внутри нее что-то похолодело, хотя она не могла бы объяснить причину этого ощущения.

— А как звали твоего отца? — спросила она, стараясь, чтобы вопрос прозвучал небрежно, просто из вежливого любопытства.

Том на мгновение задумался, явно удивленный неожиданным вопросом.

— Маттео, — ответил он. — Маттео Ривз. Хотя, погоди… — Он нахмурился, роясь в памяти. — На самом деле, я не уверен насчет фамилии. Бабушка всегда говорила, что сменила ее после переезда в Америку, чтобы оставить прошлое позади. А потом она повторно вышла замуж, став Эстель.

Сандра стояла неподвижно, ощущая, как внутри нее что-то медленно, холодно сжимается в предчувствии, будто она где-то краем уха слышала это имя в совершенно ином контексте, среди разговоров отца и Марко о давних, полузабы-

тых делах семьи.

— Спасибо за растение, Том, — сказала она наконец, пряча тревогу за вежливой улыбкой. — Увидимся.

Она вышла в прохладный вечер, прижимая к груди маленький горшок с суккулентом, и уже на полпути к машине, где ее ждал Паоло… вернее, где раньше ее ждал Паоло, а теперь — незнакомый новый водитель, назначенный взамен, остановилась, резко обернувшись к освещенному окну кофейни.

Там, за стеклом, Нонна Эстель стояла неподвижно, глядя ей вслед, и выражение ее лица, различимое даже на расстоянии, было вовсе не приветливым любопытством случайной знакомой.

Это было лицо человека, который только что увидел призрака из собственного прошлого.

Глава 6. Танец с врагом

Платье, которое выбрал для нее личный стилист семьи, стоило больше, чем годовая зарплата охранника, и было того глубокого бордового оттенка, который Марко всегда называл «цветом крови» — своеобразная шутка, ставшая со временем печальной традицией в их семье.

Сандра стояла перед зеркалом в спальне, разглядывая собственное отражение тем отстраненным критическим взглядом, которым обычно оценивала потенциальную выгоду, а не себя саму. Платье облегало фигуру идеально, подчеркивая талию и открывая спину почти до поясницы — выбор, продиктованный не тщеславием, а точным расчетом: Дарио Де Лука любил красоту, которую можно было демонстрировать как трофей, и чем убедительнее она сыграет эту роль сегодня, тем быстрее сможет выяснить, что он от нее хочет. А каблуки с высокой шпилькой, идеально подобранные под ее рост, помогут потеряться среди высоких мужчин ее мира.

— Ты выглядишь как оружие, замаскированное под подарок, — заметила Би, входя в комнату без стука, в изумрудном платье, которое ярко контрастировало с рыжими волосами, уложенными в высокую прическу, выставляющую напоказ длинную шею и дерзкий изгиб скул. — Серьезно, Сандра, если бы я не знала тебя, то решила бы, что ты при-

шла на этот прием в поисках мужа, а не с ножом, спрятанным в вырезе лифа.

— Нож спрятан не в вырезе, — сухо поправила Сандра, застегивая тонкий ремешок на щиколотке. — Это было бы непрофессионально.

— Конечно, прости мою наивность. — Би закатила глаза, но в ее тоне сквозила тревога, которую она даже не пыталась скрыть. — Ты уверена, что хочешь туда идти? После всего, что случилось с Паоло, с Рико… Даже Марко еще не до конца оправился.

— У меня нет выбора. — Сандра повернулась к подруге, и в этом движении было столько усталой решимости, что Би замолчала. — Если я не появлюсь, видео окажется у федералов. А если появлюсь, то хотя бы буду знать врага в лицо.

— Хорошо, что я иду с тобой, — грустно заметила Беатрис.

— Но не ввязывайся в эту войну, Би.

— С каких пор мои войны ограничиваются только моими личными проблемами? — Би взяла ее за руку с редкой, почти болезненной нежностью. — К тому же кто-то должен следить, чтобы ты не прирезала наследника Де Лука прямо посреди танцпола. Это было бы дипломатической катастрофой.

Сандра позволила себе едва заметную улыбку, хотя внутри нее клокотало что-то куда более мрачное, чем обычное предпраздничное напряжение.

***

Особняк Де Лука, расположенный на побережье в получасе езды от города, был построен в духе итальянского палаццо с мраморными колоннами, золочеными перилами и садом, где даже розовые кусты, казалось, были подстрижены с хирургической точностью, свойственной людям, одержимым контролем над каждой деталью собственного мира.

Бальный зал, в который их проводили сразу по прибытии, сиял тысячами огней хрустальных люстр, отражавшихся в мраморном полу так, что казалось, будто гости танцуют прямо по поверхности застывшего озера.

— Донна Николетти. — Голос прозвучал прямо у нее за спиной, бархатный, тягучий, с легким итальянским акцентом, который безошибочно выдал его происхождение раньше, чем она успела обернуться. — Какая честь, что вы почтили нас своим присутствием.

Сандра повернулась медленно, с тщательно отрепетированным спокойствием, и встретилась взглядом с Дарио Де Лукой.

Он был красив той опасной, хищной красотой, которую она привыкла видеть у мужчин — темные волосы, зачесанные назад, идеально скроенный костюм, подчеркивающий атлетическое телосложение, и глаза цвета темного янтаря, в которых читался тот же холодный расчет, что она привыкла видеть в зеркале каждое утро.

— Дарио, — произнесла она ровно, не предлагая руки для

поцелуя, хотя знала, что это будет расценено как легкая дерзость. — Благодарю за приглашение. Хотя, признаться, формулировка была… нестандартной для светского мероприятия.

Губы Дарио растянулись в улыбке, не достигающей глаз.

— Иногда нужно быть убедительным, чтобы гарантировать присутствие самых интересных гостей. — Он склонил голову набок, откровенно разглядывая ее фигуру в бордовом платье с той неприкрытой оценивающей жадностью, с которой разглядывают выставленный на аукцион лот. — И должен сказать, ожидание того стоило. Вы даже красивее, чем на видео, Алессандра. Хотя там вы, признаться, тоже произвели впечатление.

Пальцы Сандры едва заметно сжались в кулак — единственный внешний признак ярости, которую она тщательно прятала под маской светской невозмутимости.

— Польщена, что моя… профессиональная эффективность произвела на вас впечатление, — произнесла она с ледяной вежливостью.

— О, не только эффективность. — Дарио шагнул ближе. Слишком близко для обычного светского разговора, и Сандра уловила тяжелый, терпкий аромат его одеколона, смешанный с чем-то похожим на возбуждение. — Знаете, Алессандра, в нашем мире редко встречаются женщины, способные на подобную… решительность. Большинство из них довольствуются ролью украшения на руке мужа. А вы… Вы

другое. Вы созданы, чтобы править, а не украшать.

— Как мило с вашей стороны это заметить, — сухо ответила она, отступая на полшага назад, чтобы восстановить комфортную дистанцию.

Но Дарио, вместо того чтобы отступить, сократил расстояние вновь, его рука неожиданно легла на ее талию — властно, собственнически, с силой, которая была на грани допустимого приличия, но недостаточной, чтобы устроить публичную сцену.

— Потанцуйте со мной, — произнес он тихо, и в этой фразе не было вопроса, только требование, облаченное в форму вежливой просьбы.

Сандра почувствовала, как внутри нее поднимается знакомая холодная ярость, но подавила ее, позволив ему вывести себя в центр зала под звуки медленного вальса.

— Я слышал, у вас выдалась тяжелая неделя, — произнес Дарио, пока они кружились среди других пар. Его рука на ее спине опускалась ниже дозволенного, пальцы слегка поглаживали оголенную кожу с наглостью человека, привыкшего получать все, что пожелает. — Проблемы с персоналом, кажется? Водитель, телохранитель… Бедная донна Николетти, в последнее время вам определенно не везет с верностью окружающих.

— Вы хорошо информированы, — заметила Сандра ровно, хотя внутри все похолодело от того, насколько быстро и точно он знал детали, которые должны были оставаться стро-

го внутри семьи.

— Я инвестировал немало средств в эту информацию. — Дарио наклонился ближе, его губы оказались опасно близко к ее уху, и голос понизился до интимного, угрожающего шепота. — Видите ли, Алессандра, я давно восхищаюсь вашей семьей. И думаю, пришло время нашим кланам объединиться. Через брак, разумеется. Вы и я. Это укрепит позиции обеих семей и положит конец многолетней вражде.

— А если я откажусь? — спросила она, хотя уже знала ответ.

Пальцы Дарио внезапно сжались на ее запястье — быстро, болезненно, с силой, оставляющей красные следы на коже, — и он притянул ее ближе, так, что их тела соприкоснулись в танце куда интимнее, чем позволяли приличия.

— Тогда видео попадет к федералам, — произнес он тихо, его тон оставался обманчиво мягким, хотя хватка на запястье причиняла настоящую боль. — А ваш отец, насколько мне известно, не в том состоянии здоровья, чтобы пережить подобный скандал без потерь. Так что у вас, дорогая Алессандра, выбор невелик: либо вы станете моей женой добровольно, либо я разрушу все, что ваша семья строила десятилетиями, и заберу вас в качестве утешительного приза среди руин.

Сандра встретила его взгляд с ледяным спокойствием, хотя боль в запястье отдавалась острыми вспышками по всей руке.

— Немедленно отпусти меня, — произнесла она тихо, но с такой сталью в голосе, что даже Дарио на мгновение дрогнул.

— Или что? — усмехнулся он, усиливая хватку еще на долю секунды, явно наслаждаясь демонстрацией власти. — Ты прирежешь меня прямо здесь, на глазах у половины влиятельных семей восточного побережья? Давай, Алессандра. Покажи мне эту знаменитую беспощадность, о которой все говорят.

На долю секунды Сандра позволила себе представить, как легко было бы воткнуть спрятанное на щиколотке лезвие прямо ему в сонную артерию — движение, которое заняло бы меньше секунды и которому ее обучали годами. Но она тут же отбросила эту мысль: убийство наследника клана Де Лука на его собственном приеме означало бы войну, которую семья Николетти, ослабленная предательством Паоло и ранением Марко, попросту не могла себе позволить.

Вместо этого она улыбнулась: холодно, опасно, с намеком на обещание, от которого у любого разумного человека должны были похолодеть внутренности.

— Мне не нужен нож, чтобы показать беспощадность, Дарио, — произнесла она тихо. — Отпусти мою руку, иначе я сломаю твою прямо здесь, и мы оба прекрасно знаем, что я на это способна.

Что-то в ее тоне, видимо, убедило его, что угроза реальна, потому что хватка на запястье наконец ослабла, хотя насмешливая улыбка не покинула его губ.

— Горячий темперамент, — протянул он одобрительно, будто ее гнев был не угрозой, а дополнительным пунктом в списке желанных качеств. — Мне это нравится. Подумай над моим предложением, Алессандра. У тебя есть время до конца приема.

Он отступил, отвесив ей издевательски вежливый поклон, и растворился среди гостей с самодовольством человека, уверенного в неизбежности своей победы.

Сандра нашла уединение на балконе спустя несколько минут, прижимая ноющее запястье к прохладному камню перил, пытаясь восстановить дыхание и то хрупкое самообладание, которое Дарио едва не разрушил.

— Знаешь, — раздался голос Би позади нее, — я наблюдала за этим маленьким спектаклем издалека, и мне понадобилась вся сила воли, чтобы не подойти и не отрезать этому напыщенному индюку руку вместе с его дорогущими часами.

Сандра обернулась, и Би, увидев красные следы на ее запястье, нахмурилась. Ее обычная ироничная легкость мгновенно сменилась холодной яростью.

— Он сделал тебе больно, — констатировала она, беря Сандру за руку и осторожно разглядывая поврежденную кожу. — Этот кусок дерьма действительно посмел…

— Я в порядке, Би.

— Ты явно не в порядке, — отрезала та, и в этот момент дверь на балкон распахнулась снова, впуская самого Дарио,

явно разыскивающего их.

— А, вот вы где, — произнес он с той же самодовольной улыбкой, переводя взгляд с Сандры на Би с откровенным интересом ценителя. — А вы, должно быть, та самая Беатрис Кальдерон? Наслышан о вашей… яркой репутации.

— А вы, должно быть, тот самый придурок, который только что оставил синяки на запястье моей лучшей подруги, — холодно парировала Би, скрестив руки на груди с видом человека, абсолютно не впечатленного ни его костюмом, ни его положением в криминальной иерархии.

Дарио на мгновение замер, явно не ожидавший подобной прямолинейности, а затем усмехнулся, видимо, решив, что дерзость — это очередная форма флирта.

— Острый язычок, — заметил он с одобрением, которое показалось ему, вероятно, обаятельным, а на деле прозвучало невыносимо снисходительно. — Мне нравятся женщины с характером. Может быть, потанцуете со мной, раз уж Алессандра сегодня, кажется, не в настроении?

Би уставилась на него долгим, оценивающим взглядом, будто разглядывала особенно неудачный экспонат в музее восковых фигур.

— Знаете, что я думаю, Дарио? — произнесла она наконец сладким, обманчиво любезным тоном. — Я думаю, что вы абсолютно уверены, что ваше лицо и фамилия компенсируют отсутствие элементарных манер. И я также думаю, что скорее станцую танго с голодным аллигатором, чем проведу

хотя бы одну песню в компании человека, который причиняет боль женщинам, чтобы почувствовать себя важным.

На этот раз даже самодовольная улыбка Дарио дрогнула, сменившись выражением неприкрытого раздражения. Очевидно, он не привык получать настолько прямые и уничижительные отказы.

— Вы еще пожалеете об этом, мисс Кальдерон, — процедил он, уже без всякого притворного очарования.

— Сомневаюсь, — беззаботно отозвалась Би, демонстративно поворачиваясь к нему спиной и беря Сандру под руку. — Пойдем, дорогая. Здесь явно становится слишком душно от переизбытка самомнения.

Они оставили Дарио стоять на балконе в одиночестве и ушли, не оглядываясь.

— Кажется, я только что нажила нам обеим еще одного врага, — заметила Би, когда они вновь оказались среди толпы гостей, хотя в ее голосе не было ни капли раскаяния.

— Он и так был врагом, — тихо ответила Сандра, незаметно потирая запястье. — Ты просто сделала это официальным.

— Ну, я хотя бы сделала это стильно, — Би пожала плечами с привычной бравадой, хотя взгляд, брошенный на Сандру, оставался встревоженным. — Серьезно, Сандра, этот тип опасен. Я видела подобных мужчин раньше. Тех, кто воспринимает чужую боль как подтверждение собственной власти. Будь с ним крайне осторожна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.